

Ёндон Ундрал**Yondon Undral**докторант, научный сотрудник
Института философии Академии наук МонголииDoctoral student, Research Fellow, Institute of
Philosophy, Mongolian Academy of Sciences**Жалсанова Валентина Гурожаповна****Zhalsanova Valentina Gurozhapovna**кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Института монголоведения, буддологии
и тибетологии Сибирского отделения РАНPhD in Social Science, Associate Professor,
Senior Research Fellow, Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕГРЕГАЦИИ
УЛАН-БАТОРА [1]****A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF
SPATIAL SEGREGATION OF
ULAANBAATAR [1]****Аннотация:**

В статье произведен социологический анализ пространственной сегрегации столицы Монголии – Улан-Батора. Основой для изучения города как социального организма, особенностей организации его социального пространства стала Чикагская школа социологии, связанная с именами Р. Парка, Э. Бёрджесса, Л. Вирта и др. Рассматривая Чикаго как «социальную лабораторию», представители этой школы изучили проблемы адаптации сельских и иностранных мигрантов к городской среде и тем самым заложили основу социологии города. Применение теоретических и методологических принципов Чикагской школы позволяет изучать проблемы современных постсоциалистических городов, столкнувшихся с ростом миграционных потоков, усилением социального расслоения населения и, как следствие, пространственной дифференциацией. К таким городам может быть отнесена столица Монголии, в которой сегодня наблюдается новый виток урбанизационных процессов. Улан-Батор уже имел опыт ярко выраженной этнической сегрегации в начале XX в. В современную эпоху определяющим признаком города стало социальное расслоение как результат социально-экономического кризиса, обусловленного переходом к рыночной экономике и во многом вызванного значительным приростом населения за счет миграции сельских жителей.

Ключевые слова:

социология города, Чикагская школа социологии, городское пространство, пространственная сегрегация, миграция, социальное расслоение, Улан-Батор, Монголия.

Summary:

The research presents a sociological analysis of spatial segregation of Ulaanbaatar, the capital of Mongolia. The authors investigate a city as a social organism and examine the aspects of its social space based on the views of R. Park, E. Burgess, L. Wirth and others. Considering Chicago as a social laboratory, these members of the Chicago school of sociology have studied the problematic adaptation of rural and international migrants to the urban environment and thereby have laid the groundwork for urban sociology. The theoretical and methodological principles of the Chicago school allows one to study the problems of the modern post-socialist cities faced with increased migration flows and social stratification of the population and, as a consequence, spatial differentiation. The capital of Mongolia experiences the intensified urbanization processes today and can be referred to this category of cities. Ethnic segregation has already taken place in Ulaanbaatar in the early 20th century. Nowadays, the determinant of the city includes social stratification as a result of the social and economic crisis caused by the transition to the market economy and the significant population growth because of rural migrants.

Keywords:

urban sociology, Chicago school of sociology, urban space, spatial segregation, migration, social stratification, Ulaanbaatar, Mongolia.

Городское пространство является объектом исследования многих наук: социологии, политологии, географии и т. д. Интерес к нему возрастал вместе с ростом численности городов и городского населения, с усилением их роли в масштабных социальных процессах. В современную эпоху меняется структура города, который находится в процессе постоянных социокультурных изменений, динамика которых возрастает из года в год. Многоаспектность проблемы ставит перед исследователями задачу поиска необходимых методологических парадигм, позволяющих понять особенности города как сложного социального организма. На наш взгляд, одним из самых распространенных ракурсов урбанистических исследований обычно является анализ города через его территориально-поселенческие характеристики, совмещенный с вопросами изучения экономической и градостроительной политики. Этот ракурс вычленяет социального субъекта в лице городского населения, но не позволяет достигнуть полного понимания жизни города как социальной системы, его социоструктурных характеристик. Восполнить данный недостаток возможно через социологический подход.

Начало социологии города как отдельного научного направления было положено в рамках Чикагской школы, представители которой способствовали выработке основных теоретических

парадигм и методологии исследования. Городские исследования в рамках социологической науки впервые проведены в первой половине XX в. И не случайно, что они начались именно в США. Европейские государства тогда находились в сложных социально-экономических условиях после Первой мировой войны, огромное количество мигрантов отправилось в Америку, а местом их оседания в основном становились американские города.

Идейный вдохновитель Чикагской школы Роберт Парк рассматривал Чикаго как «социальную лабораторию». Он писал, что «ввиду тех возможностей, которые предлагает большой город, особенно исключительным и аномальным типам человека, он обычно развертывает во всей красе и буквально выставляет напоказ все те качества и черты, которые обычно скрыты и подавлены в меньших по размеру сообществах. Короче говоря, город показывает в преувеличенном виде добро и зло в человеческой природе. Наверное, это более чем что-либо оправдывает взгляд, делающий город лабораторией или клиникой, в которой удобнее и плодотворнее всего изучать человеческую природу и социальные процессы» [2, с. 53]. Р. Парк и Э. Бёрджесс [3] в своих работах подчеркнули, что социальные отношения получают материальное воплощение в социальном пространстве города.

Одним из основных направлений Чикагской школы были исследования сегрегации. Чаще всего под ней понимают социальную изоляцию, являющуюся результатом дискриминации в положении и правах отдельных индивидов, общностей и народов. В социологии города это понятие наполнилось новым содержанием. Как отмечает О.Е. Трущенко, в западной социологической традиции понятие «городская сегрегация» трактуется в широком и узком смысле. В первом случае чаще всего подразумевается политика расовой дискриминации, которая ограничивает свободу выбора места жительства и, например, приводит к разделению кварталов на «белые» и «черные» или появлению «Чайна-таунов». Во втором подразумевается, что такая свобода ограничена социально. Как бы то ни было, в городском пространстве одни социальные группы более или менее явно отделены от других, причем морфология их расселения в главных чертах отражает различия внутри самого общества, объективные социально-классовые отношения [4].

Истоки пространственной сегрегации кроются в проблеме социального неравенства. «Вопрос – какова связь между социальным и пространственным неравенством? В обществе, где сегрегация выражена более или менее открыто, социально однородные группы населения занимают определенный участок пространства. Такая постановка вопроса делает проблему сегрегации центральной в городской социологии, сопряженной с проблемой стратификации» [5, с. 223]. Городское пространство дифференцируется за счет экономических, экологических и социальных различий. «Экологическое благополучие, современность застройки, налаженность инфраструктуры, цена на жилье, расположение образовательных и медицинских учреждений, а также социальные показатели (преступность, возрастной, этнический и классовый состав населения и др.) во многом определяют предпочтения в выборе места проживания. Особенно актуальны проблемы выделения пространственной сегрегации применительно к классу состоятельных людей, которые планируют городское пространство под свои нужды, в результате чего происходит формирование престижных районов, элитарных пригородов. В противовес этому процессу выступает локализация бедности» [6, с. 121].

Как было отмечено ранее, массовая миграция населения в США стала одним из факторов, обусловивших развитие городских исследований в рамках Чикагской школы социологии. Проблемы иммигрантского сообщества были весьма глубокими и оказывали огромное влияние на принимающее общество. «В этой связи актуальным был вопрос адаптации и, соответственно, интеграции мигрантов в новое для них общество. Изучение миграции с социологических позиций позволяло разрабатывать механизмы регулирования миграционных процессов, разрешать этнические конфликты, предотвращать девиантное поведение иммигрантов и другие проблемы» [7, с. 118]. Несомненная заслуга Чикагской школы в том, что впервые были рассмотрены проблемы социальной дистанции, которая является источником разных конфликтов: межрасовых, межэтнических и в том числе между мигрантами и принимающим сообществом. Поэтому необходимо проведение мероприятий, направленных на обеспечение адаптации мигрантов на новом месте и создание для них условий по принятию существующих норм, обычаев и традиций.

Основным источником пополнения городского населения являются сельские жители. XX век – период стремительного роста городов и увеличения численности их населения. Л. Вирт справедливо отмечал, что «плотность населения, цены на землю, арендная плата, досягаемость, санитарные условия, престиж, эстетическая привлекательность, отсутствие таких досадных неудобств, как шум, смог и грязь, определяют, насколько желательными будут те или иные ареалы города в качестве мест проживания для разных сегментов населения. Место и характер работы, доход, расовые и этнические характеристики, социальный статус, обычаи, привычки, вкусы, предпочтения и предрасудки – вот некоторые важные факторы, под влиянием которых происходит отбор городского населения и его распределение по более или менее обособленным районам проживания. Таким образом, разные элементы популяции, населяющие компактное поселение, сегрегируются друг от друга в той степени, в какой несовместимы их запросы и образы жизни, и в той мере, в какой они друг другу

антагонистичны. Люди, обладающие гомогенными статусами и потребностями, невольно стекаются в один и тот же ареал, сознательно его выбирая или загоняясь в него обстоятельствами. Разные части города приобретают специализированные функции, и город все больше походит на мозаику социальных миров, где переход из одного мира в другой становится скачкообразным» [8, с. 93].

Город отличается динамичностью всех социальных процессов, протекающих в нем, и поверхностью социальных взаимодействий, что оказывает негативное влияние на адаптационные процессы. По мнению Р. Парка, процесс адаптации в городской среде носит постоянный характер, так как последняя насыщена кризисами, под которыми он понимает любое нарушение привычки [9, с. 39]. «Город «мобилизует индивидуального человека» посредством возрастания возможности осуществления контактов с другими людьми, в том числе участия в организациях, ассоциациях и тому подобное, но, с другой стороны, большинство данных контактов является поверхностным, мимолетным, таким образом, индивид обретает свободу, но теряет связь с первичной группой, тем самым обрекая себя на одиночество. Сегрегация групп и организаций в больших городах может быть настолько сильной, что в пределах города можно жить в изоляции почти столь же полной, как и изоляция захолустного сельского сообщества» [10, с. 53].

Таким образом, мы возвращаемся к пониманию того, что сегрегация – это территориальное выражение социального неравенства, а усиление неравенства приводит к ослаблению государственной власти. Распад социалистической системы и последовавший за ним социально-экономический кризис привели к стремительной интенсификации сельско-городской миграции и тем самым актуализировали исследования пространственной сегрегации в постсоциалистических городах.

Улан-Батор является столицей Монголии. Историческое развитие города имело свои специфические особенности, обусловленные развитием монгольского государства. Возникнув в XVII в. как кочующая резиденция Богдо-гэгэна, главы буддистов Монголии, со временем Улан-Батор стал административным центром монгольского государства. Усиление его административной роли произошло после провозглашения независимости Монголии от Китая.

Проявления социально-пространственной сегрегации в Улан-Баторе ярко обнаруживают себя как в начале XX в., так и сейчас, в начале XXI в. В начале прошлого столетия сегрегация в Улан-Баторе, или Их Хүрээ (в русских документах он фиксировался как Урга), как он тогда назывался, носила явный этнический характер. Основу населения города составляли сами монголы, преимущественно буддийские священнослужители – ламы и китайцы, в меньшей степени было представлено русское население.

Большинство монголов проживало в районах Зуун Хурээ, Гандан, Дамбадаржаа, Дашчойн-хорлин, Шадублин, в монастыре Чойжин лама, зимнем и летнем дворцах Богдо хана, в монастырях Гэсэр и других монастырях, близлежащих к городу [11]. Монголы, будучи скотоводами, не знали, что представляет собой город и городской образ жизни. Именно поэтому на территории тогдашнего Улан-Батора проживали в основном священнослужители, а также бедные люди, не имеющие скота.

Китайцы жили в отдельных районах: Баруун, Зүүн Дамнуурчин, а также в отдельном торговом квартале – Маймачен. Большинство китайцев занимались торговлей и ручным ремеслом. Русские проживали в месте под названием Консулын дэнж.

Таким образом, этническая сегрегация выражалась в том, что монголы, китайцы и русские жили в разных районах и не имели права нарушать порядок расселения.

К 1919 г. население Урги (официальное переименование в Улан-Батор произошло в 1924 г.) составило примерно 100 тыс. чел., из которых большинство составляли китайцы (около 70 тыс.). Численность монголов примерно равнялась 30 тыс. чел., из них 20 тыс. были священнослужителями. Количество русских исчислялось в пределах 3 тыс. чел. Позднее в 1925 г. население города состояло из лам (33 %), простых жителей (24 %) и иностранных граждан (43 %) [12].

Начиная с этого периода процент иностранных граждан стал снижаться, и в 1940 г. основными жителями столицы Монголии стали сами монголы. Справедливости ради нужно отметить, что в Улан-Баторе продолжали жить и китайцы, и русские, и граждане других стран, но их численность стала заметно меньше. Этническая сегрегация как таковая исчезла в силу моноэтнического состава населения. Именно в социалистический период Улан-Батор стал отвечать всем признакам города как административного, культурного, экономического и политического центра страны. Он приобрел архитектуру, отвечающую требованиям города в западном его понимании, стали развиваться городской образ и стиль жизни, сильно отличающиеся от сельской кочевой повседневности, характерной для монгольского общества. Так как Монголия оказалась в векторе социалистического развития под влиянием политики СССР, социальное пространство Улан-Батора приобрело черты, присущие советским городам.

Новая история в пространственной сегрегации Улан-Батора началась в 1990-х гг., когда происходил переход к рыночной экономике и демократизации общественно-политической жизни. Главным признаком сегрегации стало четкое выделение на карте города богатых и бедных кварталов. По последним статистическим данным население Улан-Батора значительно увеличилось – с 562 тыс. до 1 млн 363 тыс. чел. [13]. Основной причиной столь резкого увеличения численности населения столицы стала сельско-городская миграция, повлекшая за собой усиление

процессов социального расслоения. Как отмечает А.С. Бреславский, «изменения в народно-хозяйственном планировании, уход государства из сферы производственных отношений, приватизация предприятий, либерализация политики в области внутренней миграции отразились на ситуации в городских и сельских поселениях Монголии» [14, с. 54].

Вторым фактором пространственной сегрегации наряду с миграционным притоком сельчан стал отход от принципов централизованного управления городским развитием. Бедность вновь прибывшего населения и невозможность приобретения городского жилья в силу его дороговизны обусловили появление самовольных поселений в виде так называемых юрточных кварталов по всему Улан-Батору, в первую очередь в его пригородной зоне. По подсчетам А.С. Бреславского, эти территории, не обеспеченные инженерной, транспортной и социальной инфраструктурой, занимали в 2015 г. не менее 60 % застроенной площади города в целом [15]. Инфраструктурная необустроенность, в первую очередь отсутствие центрального теплоснабжения, привела к экологической катастрофе в масштабе всего города. Жители территорий в осенне-зимний период вынуждены отапливать свои жилища дешевым углем, покрышками, в результате чего происходит сильнейшее загрязнение атмосферы. Таким образом, юрточные кварталы стали средоточием бедного населения, характеризующегося высоким уровнем безработицы. Как следствие, наблюдается низкий уровень адаптации недавних сельчан к городской среде и городскому образу жизни. В связи с этим одними из важнейших задач органов городского и государственного управления являются решение проблемы бедности населения и улучшение жизненной среды в этих кварталах.

Третьим фактором, обуславливающим особенности пространственной сегрегации Улан-Батора, стало строительство новых высотных зданий и появление новых кварталов, создающих облик города как современного центра культурной, экономической жизни страны.

При этом необходимо учитывать, что современность тесно связана с явлением *глобализации*, одной из основных характеристик которой выступает интенсификация всех видов социальных отношений в планетарном масштабе. Глобальные социальные взаимодействия, будучи распространёнными по всему миру, связывают различные страны и регионы. Э. Гидденс отмечает, что «локальная трансформация в такой же степени является частью глобализации, как и горизонтальное расширение социальных связей во времени и пространстве. Поэтому тот, кто изучает нынешние города в любой части мира, знает, что происходящее в местной общине, по всей вероятности, испытывает влияние факторов – таких как мировые деньги и товарные рынки, действующих на сколь угодно большом расстоянии от этой общины» [16, с. 189].

Если в начале XX в. основным внешним фактором, который определял внутреннее развитие Монголии и ее столицы, были Китай и Россия, то в течение столетия вектор исторического развития стал определяться взаимодействием сначала со странами социалистического лагеря, а после распада социалистической системы с остальными странами мирового сообщества. Внешняя политика Монголии, обозначенная как организация постоянного сотрудничества с *третьим соседом*, способствовала ускорению процессов демократизации общества и развития рыночных отношений. Как известно, Монголия имеет общие границы только с Китаем и Россией, поэтому ведущие страны Запада и Азии стали обозначаться как *третий сосед*. Вхождение в орбиту мировой политики, развитие экономических связей со многими странами оказали влияние на монгольское общество в целом и его городское население в частности.

Как было отмечено ранее, в начале XXI столетия произошел рост численности жителей Улан-Батора, в результате которого практически половина населения всей Монголии стала проживать в столице. Сельские мигранты в столице выделяются тем, что они являются скотоводами, которые до переезда в город вели кочевой образ жизни, весьма далекий от городской действительности и повседневности. Юрты как жилища стали популярны в Улан-Баторе не только в силу дешевизны и доступности для недавних сельских мигрантов, но и в силу их привычности для скотоводов. При этом следует отмечать пространственную сегрегацию среди юрточных кварталов, которые оцениваются по престижности в зависимости от места их расположения на карте города. Близость такого квартала к центру города повышает статус жителя. Политика городских властей, направленная на минимизацию минусов, характерных для данных кварталов, способствует постепенной замене юрточных домов на строения из газобетона и кирпича.

XX век в истории человечества стал периодом больших городов и усиления процессов урбанизации, что потребовало выработки теоретических и методологических подходов к изучению данного феномена. Решение этой задачи стало во многом возможно благодаря исследованиям представителей Чикагской школы социологии, внесшей огромный вклад в изучение города. Всего разработано два главных подхода к изучению города и городского пространства, его сегрегации. Первый – экологический – определяет сегрегацию как результат борьбы индивидов за «место под солнцем», когда индивиды с одинаковыми или схожими социальными признаками селятся рядом друг с другом. Второй подход исходит из понимания урбанизма как образа жизни, одной из характеристик которого становится слабость уз солидарности по сравнению с сельскими жителями.

Если проанализировать историю Улан-Батора, можно увидеть примеры пространственной сегрегации, которая в начале XX в. определялась по этническим и религиозным признакам, а также по роду деятельности жителей, а в настоящее время происходит по признаку материального достатка. Углубляющееся социальное неравенство приводит к явной дифференциации городского пространства. Одним из способов решения сложившихся проблем в развитии столицы Монголии должна стать политика по интеграции жителей юрточных кварталов в городскую среду за счет целенаправленной адаптации недавних сельчан к жизни в городе, снижения уровня бедности и обеспечения населения рабочими местами, формирования грамотной градостроительной политики и строительства инфраструктурных объектов.

Улан-Батор являет собой яркий пример современного постсоциалистического города, который, с одной стороны, активно развивается, а с другой – оказался перед лицом ряда социально-экономических, инфраструктурных, социокультурных проблем. Теоретическая социология, и в частности подходы, разработанные Чикагской школой социологии, позволяет рассмотреть современный город, его точки роста и препятствия для развития. Опыт анализа пространственной сегрегации на примере Улан-Батора актуален для исследования российских городов, особенно столиц регионов, которые, подобно монгольской столице, стали местом притяжения мигрантов из сельской местности.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.1 «Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество», номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9 (The Transboundary Spaces of Russia, Mongolia and China: History, Culture, Contemporary Society)).
2. Парк Р.Э. Избранные очерки. Сборник переводов / сост. и пер. с англ. В.Г. Николаева ; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2011. 320 с.
3. Бёрджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Серия 11. Социология. 2000. № 4. С. 122–136.
4. Трущенко О.Е. Престижный адрес: социально-пространственная сегрегация в Москве // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 120–126.
5. Обирин А.И. Неравенство в пространстве города. Элитное и социальное жилье, пространственная сегрегация г. Хабаровска // Вестник Тихоокеанского университета. 2011. № 1 (20). С. 223–230.
6. Афонин М.В. Особенности городской сегрегации в крупном региональном центре (на примере г. Ярославля) // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23). С. 121–126.
7. Ситникова Е.Л. Идеи Чикагской школы социологии в современных исследованиях миграции населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 4 (16). С. 118–123.
8. Вирт Л. Избранные работы по социологии : сборник переводов / пер. с англ. В.Г. Николаева ; отв. ред. Л.В. Гирко. М., 2005. 244 с.
9. Парк Р.Э. Указ. соч. С. 39.
10. Шекера Е.А. Теоретические основания исследования особенностей процесса социальной адаптации мигрантов в крупном городе // *Primo aspectu*. 2018. № 3 (35). С. 51–56.
11. Пунсалдулам Б. Нийслэл Хүрээ ба нийгмийн хөгжлийн зарим асуудлууд // Нийслэл Хүрээ 100 жил. Эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. Улаанбаатар, 2012. На монг. яз.
12. Жамбал Ч. Орчин үеийн Улаанбаатар. Улаанбаатар, 1984. На монг. яз.
13. Mongolian Statistical Yearbook – 2014 2015. Ulaanbaatar, 2015. P. 30.
14. Бреславский А.С. Улан-Батор и «пригородная революция» // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 1 (714). С. 53–56.
15. Там же.
16. Гидденс Э. Последствия современности / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М., 2011. 352 с.

References:

- Afonin, MV 2013, 'Features of Urban Segregation in a Large Regional Center (the Example of Yaroslavl)', *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, no. 1 (23), pp. 121-126, (in Russian).
- Breslavsky, AS 2017, 'Ulan Bator and the "Suburban Revolution"', *Aziya i Afrika segodnya*, no. 1 (714), pp. 53-56, (in Russian).
- Burgess, E 2000, 'The Growth of the City: An Introduction to a Research Project', *Sotsial'nyye i humanitarnyye nauki za rubezhom. Seriya 11. Sotsiologiya*, no. 4, pp. 122-136, (in Russian).
- Giddens, A 2011, *The Consequences of Modernity*, Moscow, 352 p., (in Russian).
- Mongolian Statistical Yearbook – 2014 2015, Ulaanbaatar, p. 30.
- Obirin, AI 2011, 'Inequality in the City Space. Elite and Social Housing, Spatial Segregation of Khabarovsk', *Vestnik Tikhookeanskogo universiteta*, no. 1 (20), pp. 223-230, (in Russian).
- Park, RE 2011, *Selected Essays. A Collection of Translations*, Moscow, 320 p., (in Russian).
- Punsaldulam, B 2012, 'Some Issues of the Capital and Social Development', *The Capital is 100 Years Old: a collection of scientific works*, Ulaanbaatar, (in Mongolian).
- Shekera, EA 2018, 'Theoretical Basis for the Study of the Characteristics of the Process of Social Adaptation of Migrants in a Large City', *Primo aspectu*, no. 3 (35), pp. 51-56, (in Russian).
- Sitnikova, EL 2009, 'Ideas of the Chicago School of Sociology in Modern Studies of People Migration', *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki*, no. 4 (16), pp. 118-123, (in Russian).
- Trushchenko, OE 1994, 'Prestigious Address: Socio-Spatial Segregation in Moscow', *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 120-126, (in Russian).
- Wirth, L 2005, *Selected Works on Sociology: a collection of translations*, Moscow, 244 p., (in Russian).
- Zhambal, Ch 1984, *The Modern Ulan Bator*, Ulaanbaatar, (in Mongolian).